

ВЕТЕР В ЛИЦО (отрывок)

Пусть будущее поколение не краснеет, а гордится тем, что когда-то в эпоху переходного периода жил ленинский комсомол, который не склонял головы перед трудностями, который был подобен буреви́стнику, который в бурях классовой борьбы чувствовал себя в своей стихии; что жил ленинский комсомол, чья борьба и работа были той почкой, из которой расцветает счастье следующих поколений; что жил ленинский комсомол, который в жизни, борьбе и работе руководствовался принципом: «Лучше смерть, чем классовое бесчестье и классовый позор!»

Александр КОСАРЕВ

Глава первая

Оборванец-подросток лежал на холодных камнях береговой сопки и смотрел на густую толпу домов. Недобрая настороженность стояла в его темно-серых глазах. Давно не стриженные, белесые с желтинкой волосы закрывали лоб, лезли в глаза, но оборвыш не обращал на них никакого внимания. Он смотрел вниз и, как загнанный зверек, ждал из каждого дома беду.

Зачем позвал его этот город? Что может он дать ему, кроме печали и ожесточения? Не ошибся ли паренек, приняв наивные порывы своего сердца за чьи-то теплые призывы? А что же делать? Куда еще идти?

Оборванец спустился с горы и утонул в шуме рабочей окраины. Он ходил от квартала к кварталу и видел: у каждого были свои заботы и своя боль, а его никто здесь не знал. С тревогой в душе вошел он в ограду, немного знакомую, - когда – то жил тут Коля Корнев. Вошел в дом и хриплым голосом - от простуды или от волнения – сказал, стоя у порога:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте, парень, — ответил ему Егор Корнев, отец Коли, железнодорожный машинист.

— А Коля где?

— На комсомольском собрании.

Оборвыш помялся.

— А скоро придет?

— Кто ж его знает! У них свои дела. А ты чей такой будешь?

— Берестов.

— Берестов? Какой Берестов? Кузьмы Андреевича сынок, что ли? Да ты откуда взялся?

Паренька посадили за стол; он торопливо ел кашу и вел отрывочный, невеселый рассказ.

Пришел Коля. Пригляделся к беспризорнику, узнал и чуть не рассмеялся, - так забавна была эта чумазая остренькая мордочка. Паренек уминал кашу с завидным усердием.

— Ты? Откуда? Да не торопись, не отберут, — заговорил Коля.

— Ты узнай сначала, — сказал отец, — у парня беда. От лиха убежал, а и тут ему голову приклонить некуда. Только могила матери.

Коля на минуту задумался, потом решительно заявил:

— Идем. В уком комсомола. Ничего, не пропадешь.

— Какой сейчас уком? — возразил отец. — Утром пойдете. Пусть у нас переночует. Помойтесь в бане. Подравняй ему волосы. Штаны подлатайте.

Коля согласился. В бане он с мужской взыскательностью осмотрел товарища, пошлепал его ладонью по груди, по шее, прибежал к скамеечке на локоть поставленную руку, затеял было борьбу, но у каменки стоял ушат с кипятком, пришлось борьбу отложить.

— Молодец, Артемка. Сильный. Вымахал — скоро меня догонишь. Правда, жидковат. Ну, ничего, к свадьбе раздашь. Сам Коля был покрепче, поплотнее. А густая, слегка волнистая шевелюра его сияла, как отлитая из красной меди, лицо напоминало тетеревиное яйцо, - такое оно было веснушчатое. Коля согнул руку и заставил Артёмку пощупать — какие твердые мускулы!

Мылись долго, тщательно особенно Артемка. Но зато после бани он сиял, как новенький гривенник. В предбаннике стриглись, зашивали штаны, повивавшие на своем веку...

Спали на одной узкой койке. Сначала легли валетом, но так неудобно было разговаривать. Пододвинули табуретки, устроились хорошо. И Артемка рассказал, где он жил и почему эти полтора-два года показались ему проклятой вечностью. Рассказывал волнуясь, порой приподнимался и размахивал в темноте руками. Коля успокаивал:

— Ничего, ничего. Теперь-то ничего.

Артемка закончил свою повесть совсем по-взрослому:

— Сколько я повидал! Если бы ты только знал! Вообще-то, знаешь, власть хоть и Советская, а жизнь гнет людей.

Только богачам хорошо. Вот!

— Ну, ты это брось, - сердито сказал Коля. — Ты же ни черта не понимаешь, котелок у тебя темный. Я тебе завтра все разъясню. Спи.

Обогретый, успокоенный хотя еще неясной, но все-таки прочной надеждой, Артем скоро уснул. А Коля спать не мог. Рассказ Артемки взволновал его. Горько было услышать, что и сейчас только богатым хорошо. Вот какую думу носит в голове этот паренек. И один ли он? Конечно, в нашей жизни порой еще нелегко понять, что к чему. А понять надо. Поймет Артемка. Хороший парень будет. Пока ему не везло. Еще не жил, а сколько горького успел схватить. Парню надо помочь. Конечно, у райкома не одна забота. Трудно. Но уж кто — кто, а Берестов достоин внимания. От отца — то ни слуху, ни духу...

Едкий пороховой дым клубился на полях сражений. Гудела земля. Быстро и густо, как грибы после дождя, росли белые кресты новых могил. Толпы

искалеченных солдат возвращались к убогим родным очагам. Возвращался домой и Кузьма Андреевич Берестов.

Еще с Белоусовского перевала увидел солдат родной город. Он раскинулся у подножия Алтая, в устье Каменных гор, маленький, тихий. По рассказам, был город вначале сереньким, бревенчатым, потом, бесцеремонно расталкивая деревянные дома, там сям грузно становились каменные дома и склады золотопромышленников, купцов, пушного дела предпринимателей. Как из – под земли, выросли две пивоварни. Появилась лесопилка. Воскобойня. Около здания театра над массивным собором засиял бронзовый крест, а дальше – над тонким минаретом мечети – полумесяц. И Усть – Каменогорск окончательно стал походить на город. Вот он весь как на ладони, от верхней пристани – до крепости, где сливаются Иртыш и Ульба. А между ними город. Милый город! В прозрачной дымке. Сколько раз за эти годы он снился Кузьме Берестову!

Кузьма спешил к семье. На лодке переплыл Ульбу. Остановился: через улицу веревочкой шел, покачиваясь, выводок белых уток. За тесовой оградой несколько раз лениво тявкнул старый пес. В палисаднике цвела дымчато-фиолетовая сирень. В роще у крепости плакала-тосковала кукушка.

В той же роще школьник в серой фуражке, высывая кончик языка, вырезал перочинным ножом на податливой тополевой коре короткую повесть о любви. Такими же произведениями были испещрены и другие деревья. Кузьма любил город: проникали и сюда отзвуки иной жизни...

Припадая на правую ногу, прошел солдат через весь город к верхней пристани, остановился у старенького осевшего плетня и увидел сразу обоих: жену и сына. Артемка помогал матери полоть редиску и лук. Он вырывал сорную траву и пальцами слегка рыхлил влажную землю. Работа спорилась; он увлекся и ничего не замечал, кроме своей грядки, а когда поднял голову, замер: у плетня стоял человек. Серая солдатская шапка, тужурка, сшитая из шинели, говорили, откуда он пришел. Мягкая улыбка – такая знакомая... Артемка встал... Смуглый, белоголовый, в lined штанишках, подняв руки с черными от земли пальцами, ничего не видя, молча бежал он к солдату. А тот подхватил его и поднял.

— Цыпки – то, цыпки- то! — сказал отец и поцеловал почерневшую от ветра и воды ногу сына.

Артемка откинул голову назад, пристально посмотрел на отца и все узнал: серые веселые глаза, небольшие усы, три оспенных отметки на щеке. И опять прильнул к отцу. Потом повернулся и звонко, на весь огород закричал:

— Мама, мама!

Она торопливо шла к ним, на ходу поправляя выбившиеся из – под синего платка волосы, и улыбалась. Но в двух шагах растерянно остановилась, глядя в землю. Тут и Артемка увидал, что левая нога отца была в солдатском ботинке и зеленой обмотке, а правая - деревянная.

— Здравствуй, Уля, - сказал Кузьма.

Женщина обняла его и горько заплакала.

В каком - то оцепенении стоял и Артемка. Сердце его сжималось. Такой родной минуту назад, отец теперь казался незнакомым, другим.

Но это чувство скоро прошло, и Артемка подружился с отцом. Почти всюду они бывали вместе. Плавали по Иртышу, рыбачили, купались на острове или поднимались на сопочку и любовались, кругом так красиво! За Иртышом - далеко-далеко - синеют три богатыря - горные вершины-близнецы.

— Что там, за горами? — спрашивал Артемка.

— Вот и главное, сын, узнать бы: что там?

Как-то рыбачили на зорьке и подсек отец язя. Водил-водил его, — тугая леска звенела, как струна, — и уже подвел к берегу, но язь отчаянно рванулся и ушел. Только круги на воде остались. Отец сказал:

— Вот ведь какой, не хочет на сковородку! — и, добродушно улыбаясь, повернулся к Артемке.

Сын стоял огорченный, в глазах — слезы.

— Артемка! Ты что? Да мы с тобой этого язя обязательно выловим. А сегодня обойдемся чебачками, вон ты их сколько натаскал!

Но Артемка надулся, замолчал. Только к вечеру оттаял, заговорил:

— Эх, батюшка! Язь-то... только хвостом махнул, будем, дескать, знакомы!

— Да, хороший был язек!

Работал Кузьма на лесопилке. Артемке нравилась его должность: пилостав!

По вечерам отец чеботарил. Сперва изредка, а потом почти каждый вечер раскладывал он на скамейке колодки, ножи, дратву и целыми часами сидел на длинном и низеньком ящике, склонившись над разбитым и уже послужившим своему хозяину сапогом или ботинком. Люди узнали о новом сапожнике. Только мало приходило заказчиков с пахучей скрипящей кожей, чтобы сшить новые сапоги. Больше всего тащились грузчики, извозчики, жестянщики, иногда железнодорожники. Они приносили серые, заскорузлые, согнутые крючком башмаки из грубой кожи, чиненые и перечиненные: А он все принимал, латал какими-то обрезками. Ульяна жалела его:

— Брось, Кузьма, чеботарничать. Если не будет нам хватать, я опять стиркой займусь.

— Нет, — ответил он.

— Не потерять бы мне эту специальность.

А про себя думал: «Так надо. Ходят и ходят заказчики. Никто ничего не подозревает».

Артемка стал помогать чеботарить, — готовил из березовых чурочек шпильки, под присмотром отца вколачивал их в подметки. А тот иногда терпеливо переделывал всю Артемкину работу, показывал, учил.

Раз Артемка пришел домой в синяках. Боялся, начнут расспрашивать, кто да за что. Но отец только усмехнулся и ничего не сказал. Он все понимает не хуже мальчишки. Однако непонятно: куда он ходит украдкой? Сын даже заметил однажды, как тот прятал какие-то бумажки в свою деревянную ногу. А мать что-то знала. Даже если отца не было далеко за полночь, она сидела у окна в темной комнате и терпеливо ждала его, вздрагивая от всякого стука.

Однажды сын заявил:

— Меня не проведете. Что захочу, то и узнаю.

— Ой, Артемка! — качнул головой отец.

— Не хвастайся. А то говорят: уток бьют до покрова, а хвастунов всегда.

— Все равно узнаю, куда ты ходишь.

Кузьма переглянулся с Ульяной. И когда он ушел, та отругала сына за длинный язык, строго-настрого приказала не лезть не в свое дело.

Артемка молчал, а сам думал: «Все-таки, интересно, куда ходит отец? Пойдет сегодня или нет?» Он терпеливо ждал.

Кузьма, убедившись, что сын не собирается идти играть, выдвинул свой ящик и стал сосредоточенно рассматривать сапог с оторванным каблуком. Прищурился, покачал головой и озабоченно сказал:

— Да, тут без проходни ничего не сделаешь.

Артемка с легким скрипом натирал варом дратву, смолистый запах шел по всей комнате. Парня подмывало спросить, что такое проходня, но как серьезный человек, он сдержался. И когда отец послал его к жестянщику Степану Шмелеву за проходней, он помчался, только пятки засверкали. Пробежал переулок, попал на широкую, ведущую в Каражал улицу, застроенную маленькими деревянными домиками, за сиреневым садиком снова свернул в переулок и пошел шагом. Вот она, избенка Шмелевых. Плечистый, с короткой русой бородой жестянщик встретил посыльного у крыльца. Он отставил ведро с оторванным ушком, которое ремонтировал, и сказал:

— Здорово, здорово. Что скажешь?

— Отец послал. Нам проходня нужна.

— Что, что? — переспросил Степан, и в глазах его вспыхнула веселая смешинка.

— Проходня, — повторил Артемка.

— Ну, проходня.

— Ах, ясное море, — крикнул Степан, — я и забыл! Мне проходню-то не жалко, да сегодня утром ее у меня взял Обухов. Грузчик. Знаешь? Дуй к нему.

Грузчик чинил свои лапти. Не поднимая головы, он сказал, что проходню унес извозчик Лямин. Артем пошел туда. Извозчик сидел за столом, ел пустые щи и сурово взглянул на Артемку. Выслушав его просьбу, чуть посветлел лицом и коротко сказал:

— У Трофима Рыбака.

Но и у Рыбака проходни не оказалось. Сомнения стали закрадываться в душу Артемки. Вот уже сколько времени он ходит, а до цели дойти не может. Почему-то всем им как раз сегодня понадобилась проходня.

Видно, важная вещь — ни минуты не лежит на месте. Гоняйся за ней, как за зайцем. А там отец ждет... Вдруг он остановился. А ведь отец-то может уйти! Хотел повернуть домой, но понял, что все равно уже поздно. Зашел еще в один двор.

Медноволосый подросток рубил топором выловленную из Иртыша корягу. Это был Коля Корнев. Неужели и у Корневых кто-нибудь взял проходню?

— Здравствуй, Коля. Отец дома?

Колька воткнул в чурку топор и не спеша ответил:

— Нет, уехал в Риддер. Поезд повел.

— А ты без отца не можешь дать нам проходню?

— Могу.

— А дома она?

Сжав губы, Коля кивнул утвердительно и показал рукой на плетеный дровяничок: там, дескать.

— Ну дай.

— Дать можно, да ты один-то унесешь ли?

— А она большая?

— Всякая бывает. Чем глупее человек, тем ему проходня больше достается.

Артемка смутился. Коля спросил:

— Давно ходишь? Ну, пожалуй, хватит тебе. А то ведь до того конца города, до крепости-то, и до утра не дойдешь.

И он объяснил, что такое проходня.

— Попался ты сегодня! Но ничего, все ходят за проходней. Я тоже три года тому назад весь Каражал исколесил. Наука!

Шел Артемка домой не спеша, в душе посмеивался над собой. Все-таки отец перехитрил! И придумает же шутку: иди за проходней. Проходня. Проходи, проходи — вот и проходня. «Уток бьют до покрова, а хвастунов всегда», — вспомнил он поговорку и засмеялся.

Так и не удалось ему узнать тайну отца. Все открылось только тогда, когда пришла в город Советская власть. Ярko загорелись флаги на лесопилке, на мастерских. С флагом прошел отряд — не то солдаты, не то рабочие. Они пели песню — новую, неслыханную. Песня притягивала Артемку, как магнит. Преодолевая страх — ведь еще утром в городе стреляли! — Артемка вместе с другими ребятами лип к отряду и прислушивался к песне: «Смело, товарищи, в ногу.» Взрослые произносили новые слова: революция, большевик, совдеп, народ. Артемка бежал к народу, кое-как протискивался и слушал, что говорили ораторы.

Но опять все переменялось. Наступила тревога: в город пришли враги. Страшные солдаты в черных мундирах с серебряными галунами и свинцовой эмблемой на рукаве стали хватать и бросать людей в тюрьму, в трюм парохода, пытаться, убивать...

Третий день нет дома отца. За три дня так перевернуло мать, что не похожа на себя: в лице — ни кровинки, глаза испуганные.

Босоногий Артемка бесшумно бежал по пустынному переулку, белесые волосы его развевались на ветру. Время от времени он боязливо оглядывался, но то, чего он боялся, появилось впереди. Это был черный всадник с винтовкой за плечами. Мальчик на миг оцепенел, потом юркнул в ветхую калитку и прижался к стенке плетеного сарайчика. Бешеный топот приближался, как наводнение, от которого негде спастись.

Страх овладел Артемкой. С тех пор, как в Усть-Каменогорск пришли анненковцы, смерть в любую минуту могла войти в каждый дом. Об этом знали не только взрослые, но и ребята. Артемка стоял у сарайчика, прислушиваясь к топоту коня. Всадник проскакал мимо. Артемка выглянул и побежал дальше. Он бежал и думал: не вернулся ли отец?

Близкий гудок парохода ошеломил его. Он, пристанский житель, слышал эти гудки сотни раз, по гудку узнавал любой пароход. Но то было тогда, а это теперь...

Там, в трюме парохода, по рассказам мальчишек, черные солдаты творили самые страшные пытки. Может быть, там уже и отец?

Артемка зашел в ограду. В одной доске забора на пол аршина от земли была дырочка — выпал сучок. Через это очко видно улицу. Но пустынна и угрюма улица. И слышишь больше, чем видишь. Где-то звучит труба: в городском саду играет оркестр... Прогудел пароход...

Послышался легкий шум, Артемка поднял голову и увидел, что за край забора ухватились две руки. В ту же минуту из-за забора показалась ярко-рыжая шевелюра, а через миг в воздухе мелькнули голые пыльные пятки, и перед Артемкой стал Коля Корнев. Они смотрели друг на друга - один с недоумением, другой - пытливо и строго. Коля был на голову выше Артемки. Третий раз прогудел пароход.

— «Монгол»! Полезем на сарай, посмотрим.

Они лежали и смотрели, как свинцово-серый пароход медленно развернулся и, выпуская черную тучу дыма, зловеще двинулся по Иртышу. «Монгол»!.. Вот уходит он и, может быть, увозит в трюме отца. Холодом повеяло на Артемку. Какое-то непонятное чувство овладело им: было страшно и до боли жаль отца, но не было слез и не было сил убежать. Как прикованный, он лежал на крыше сарая и смотрел вслед пароходу... Артем повернул голову и увидал, что по веснушчатым щекам Коли катились крупные слезы.